

УДК 327

Боровский Ю. В.*Московский государственный институт международных отношений (Университет)**Министерства иностранных дел России**119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

РОССИЯ И ЕВРОСОЮЗ: СМЕНА ТРЕНДА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать энергетические отношения России и ЕС в первой четверти XXI в. и определить причины смены сотрудничества на конфронтацию.

Процедура и методы. В статье использованы исторический, сравнительный, системный и структурно-функциональный методы, а также наработки реалистической, либеральной и конструктивистской школ теории международных отношений.

Результаты. Сделан вывод, что Украинский кризис 2014 г. поставил под вопрос кооперацию в энергетических отношениях России и ЕС, а Специальная военная операция России на Украине привела к конфронтации этих отношений. Установлены две причины смены тренда: во-первых, готовность Брюсселя и Москвы использовать энергетику в политических целях в логике политического реализма; во-вторых, глубокий ценностно-политический разрыв ЕС с Россией, сделавший невозможным сохранение двусторонней энергетической взаимозависимости.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования способствуют правильному научному пониманию энергетических отношений России и ЕС в XXI в. и могут служить основой для будущих исследований по данной проблематике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Россия, Европейский союз, энергетические отношения, энергетика, сотрудничество, санкции

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Россия и Европейский союз как энергетические партнёры \(2000–2014 гг.\)](#)

[Россия и ЕС как энергетические противники \(2014–2023 гг.\)](#)

[Заключение](#)

Yu. Borovskii

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation*

RUSSIA AND THE EU: A TREND CHANGE IN ENERGY RELATIONS

ABSTRACT

Aim. To analyze the Russia-EU energy relations in the first quarter of the XXI century to find out the reasons for a trend change in them – from cooperation to confrontation.

Methodology. The research was conducted with the use of the historical, comparative, systemic and structural-functional methods, and is based on the assumptions of the realist, liberal and constructivist schools of the theory of international relations.

Results. The author concludes that the Ukrainian crisis erupted in 2014 substantially undermined the cooperative trend in the Russia-EU energy relations, but the special military operation launched by Russia against Ukraine in 2022 ultimately reversed it into confrontation. The trend reversal can be explained either by the willingness of Brussels and Moscow to use energy for political purposes in the logic of political realism or by the deep value and political gap between the EU and Russia that made it impossible to maintain their energy interdependence.

Research implications. The results of the research contribute to a proper scientific understanding of the Russia-EU energy relations in the XXI century, and may substantially facilitate future studies in the same field.

KEYWORDS

Russia, European Union, energy relations, energy, cooperation, sanctions

ВВЕДЕНИЕ

В первой четверти XXI в. отношения России и ЕС в сфере энергетики пережили по-настоящему радикальную трансформацию. На протяжении почти полутора десятилетий (2000–2014 гг.) они в целом поступательно развивались. В этот период Москве и Брюсселю удалось систематизировать и институализировать их энергетические связи, а также наладить продуктивное энергетическое сотрудничество на отдельных направлениях. Хотя у сторон имелись определённые разногласия по вопросам энергоснабжения, до 2014 г. никто не ставил под сомнение сложившуюся, в сущности, стратегическую энергетическую взаимозависимость [1; 2; 11; 16; 18]. В её рамках Россия была для ЕС крупнейшим, практически незаменимым поставщиком энергоносителей, прежде всего газа и нефти, а соответственно, страны ЕС выступали в роли крупнейших потребителей российских ископаемых энергоносителей. Накануне Украинского кризиса, разразившегося в феврале 2014 г., в импорте нефти и нефтепродуктов Европейского союза на Россию приходилось 34%, в импорте природного газа – 49%, в импорте угля – 28%. Россия, в свою

очередь, экспортировала в страны ЕС 71% своих нефти и нефтепродуктов, 71% природного газа и 38% угля¹.

Тренд в энергетических отношениях России и ЕС стал меняться в 2014 г., когда страны Европейского союза ввели против Российского государства энергетические санкции в качестве наказания за его политику на Украине. Конечно, в 2014 г. и последующих годах Россия не утратила статуса крупнейшего поставщика нефти, газа и угля в ЕС, а последний не перестал выступать в роли крупнейшего импортёра российских ископаемых энергоносителей. Тем не менее с 2014 г. Брюссель если не снял, то поставил под большой вопрос свой курс на долгосрочное стратегическое энергетическое партнёрство с Россией [1; 2; 11; 21; 27; 31].

В 2022 г. прежняя модель отношений России и Европейского союза в энергетической сфере окончательно исчерпала себя. Реагируя на российскую Специальную военную операцию (СВО) на Украине, страны ЕС во главе с Европейской комиссией вообще решили если не полностью, то максимально разорвать их энергетические связи с Российским государством – даже в ущерб своим фундаментальным экономическим интересам. В таких условиях Россия была вынуждена пойти, по сути, на форсмажорную переориентацию поставок своих ископаемых энергоносителей с европейского на азиатские и иные рынки [9].

Подобный регресс в энергетических отношениях России и ЕС, которые, как нередко утверждалось до 2022 и тем более до 2014 гг., были обречены быть главными партнёрами в сфере энергетики [20; 22; 24; 27], является значимым явлением международных отношений, требующим специального исследования.

Цель настоящей работы – проанализировать энергетические отношения России и ЕС в первой четверти XXI в., которые после этапа поступательного развития весьма стремительно скатились к конфронтационному уровню, когда энергетика стала служить двум сторонам инструментом для нанесения противнику политического, экономического и иного ущерба. Финальной точкой анализа должен стать ответ на исследовательский вопрос: какие причины лежат в основе деградации энергетических отношений России и ЕС после 2014 и 2022 гг.?

В своей работе автор использовал исторический, сравнительный, системный и структурно-функциональный методы исследования, а также разработки реалистической, либеральной и конструктивистской школ теории международных отношений.

Проблематика энергетических отношений России и ЕС периодически затрагивается в научных публикациях. При этом имеющиеся исследования

¹ Statistical analysis of EU trade in energy products, with focus on trade with the Russian Federation [Электронный ресурс] // Statistics in focus (Eurostat). URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/5705da90-8ee1-4af5-bcd3-ce47fedf8778> (дата обращения: 04.05.2023).

целесообразно делить на те, что увидели свет до 2014 г. [12; 16; 20; 22], и те, что вышли уже после начала Украинского кризиса и СВО России на Украине [1; 9; 10; 11; 17; 19; 21; 33]. В ряде работ анализируются движущие силы энергетической политики ЕС и России [2; 3; 4; 5; 8; 27; 29; 31], а также выявляются фундаментальные факторы, сближающие или, напротив, отдаляющие Россию и ЕС [6; 7]. В имеющемся массиве публикаций ощущается явный дефицит работ, в которых основательно исследовались и сопоставлялись бы сразу два состояния энергетических отношений России и ЕС в новом столетии: сотрудничество и конфронтация, – особенно с учётом реалий, возникших после начала СВО. В настоящей статье предпринята попытка устранить эту лакуну, что и определяет её научную новизну.

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ КАК ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПАРТНЁРЫ (2000–2014 ГГ.)

В самом начале XXI столетия Россия и ЕС по обоюдному согласию встали на путь стратегического сближения в сфере энергетики. В октябре 2000 г. ими был запущен Энергетический диалог (далее – ЭД) как отдельное направление их сотрудничества. Идя на такой шаг, обе стороны прекрасно понимали, что со времён холодной войны объективно сложилась их энергетическая взаимозависимость, которой необходимо было придать управляемые, институализированные формы. С помощью ЭД Москва и Брюссель рассчитывали не только укреплять взаимное доверие и обеспечивать надёжность поставок энергоносителей, но и планомерно выстраивать их стратегическое энергетическое партнёрство [1; 10; 11; 12; 16; 18].

Вопреки изначальным надеждам, диалог России и ЕС просуществовал лишь полтора десятилетия. Брюссель заморозил или фактически прервал ЭД в 2014 г. из-за действий Москвы на Украине. При осмыслении истории ЭнергодIALOGA возникают два принципиальных вопроса. Что удалось и не удалось достичь сторонам в рамках ЭД? Почему Брюссель так относительно легко отказался от ЭД?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо подвергнуть ЭнергодIALOG России и ЕС историческому и структурно-функциональному анализу:

А. Организационно-институциональное измерение Энергетического диалога

За годы своего существования ЭД России и Евросоюза оказался довольно представительным по составу участников и приобрёл чёткие организационно-институциональные рамки. Он вёлся на регулярной основе с участием как глав государств и правительств, представителей профильных министерств и ведомств вовлечённых стран, так и руководителей наднациональных структур Европейского союза. К ЭД были привлечены многочисленные участники из делового и экспертного сообществ с обеих сторон. Управление ЭнергодIALOGом было поручено координаторам высокого уровня. В рамках

ЭД были созданы: тематические группы экспертов, Центр энергетических технологий, Консультативный совет по газу. Политическую поддержку ЭД обеспечивал Постоянный совет партнёрства (ПСП) [1; 10; 11; 12; 16; 18; 26].

Б. Содержательное наполнение Энергетического диалога

Москва и Брюссель согласовали приоритетные направления их сотрудничества в рамках ЭД: сближение энергетических стратегий, обеспечение надёжных поставок энергоносителей, взаимное открытие энергетических рынков, обеспечение долгосрочного инвестирования ТЭК, повышение энергоэффективности, обеспечение безопасности в атомной энергетике, развитие экологически безопасных технологий и энергоносителей и др. Поддержку со стороны участников ЭД получил целый ряд масштабных инфраструктурных проектов, представлявших взаимный интерес: соединение электросетей России и ЕС; строительство газопровода «Северный поток» (ныне «Северный поток-1»); сооружение газопровода «Ямал – Европа»; соединение нефтепровода «Дружба» с нефтепроводной системой «Адриа» в Восточной Европе; освоение Штокмановского газоконденсатного месторождения на российском шельфе Баренцева моря. В рамках ЭД был реализован целый ряд исследовательских проектов, была установлена постоянная связь для взаимного информирования, был создан Механизм раннего предупреждения (МРП) о рисках, связанных с поставкой и потреблением энергоносителей, запущена Инициатива по энергоэффективности, была разработана Дорожная карта сотрудничества в сфере энергетики на период до 2050 г. [1; 10; 11; 12; 16; 18].

С учётом вышеизложенного вряд ли стоит оспаривать тот факт, что на протяжении полутора десятилетий ЭнергодIALOG России и ЕС был инструментом, заметно укрепляющим энергетическую взаимозависимость вовлечённых сторон [12]. Однако при всех своих плюсах ЭД так и не смог устранить целый ряд принципиальных разногласий Москвы и Брюсселя в области энергетики [1; 2; 11; 18]. Это свидетельствует либо о недостаточной эффективности ЭД, либо о наличии в отношениях России и ЕС неких глубинных, труднопреодолимых противоречий.

Если говорить о *принципиальных разногласиях Москвы и Брюсселя* в сфере энергетики, которые не смог нивелировать ЭД, их было несколько.

Во-первых, за счёт Договора к Энергетической хартии (ДЭХ), подписанного Москвой в 1994 г., но не ратифицированного ею, страны ЕС настойчиво, но безуспешно пытались навязать России невыгодные ей правила международного энергетического взаимодействия. Это касалось свободного транзита газа (в первую очередь среднеазиатского) через территорию РФ, а также широкого доступа иностранных (в том числе европейских) компаний к российским нефтегазовым активам. Параллельно Брюссель настойчиво добивался либерализации газовой отрасли России, что непременно предполагало устранение монополии «Газпрома» [1; 2; 11; 18; 19]. Ни по одному из пунктов Москва не уступила.

Во-вторых, желая защитить газовый рынок ЕС от доминирования «Газпрома», а также иметь возможность регулировать работу мощного газопровода «Северный поток-1» (СП-1) в своих интересах, Европейский союз принял в 2009 г. Газовую директиву (ГД) в рамках Третьего энергетического пакета (ТЭП)². С вступлением в силу ГД «Газпром» лишился права контролировать магистральные трубы в ЕС, а газопровод «Северный поток-1» смог работать в ограниченном режиме – и то с особого разрешения Европейской комиссии³. ГД также создала непреодолимые препятствия для реализации проекта «Южный поток» (ЮП), от которого Россия была вынуждена отказаться в 2014 г. и переключиться на осуществление альтернативного проекта «Турецкий поток» (ТП). Противодействуя СП-1, ЮП и ТП, Европейская комиссия вместе с тем активно продвигала конкурентные газотранспортные проекты без российского участия: сначала «Набукко», позже – «Южный газовый коридор» [1; 2; 11; 17; 18; 19; 28].

Примечательно и другое обстоятельство. Проект строительства газопровода «Северный поток-1» (запущен в 2011–2012 гг.) был поддержан Германией, Австрией, Нидерландами, Францией и даже самой Европейской комиссией⁴. Однако против него решительно выступили Польша и прибалтийские государства, поддержанные США. Ключевым доводом противников СП-1 была якобы политическая ненадёжность России. Российско-украинские газовые конфликты 2006 и 2009 гг., из-за которых на время прерывалось снабжение Европы российским газом, только усиливали позиции критиков Москвы в ЕС [1; 2; 17; 18; 29; 30].

В-третьих, учредив Энергетическое сообщество (Energy Community) в 2006 г., Европейский союз стал экспортировать своё энергетическое законодательство (в том числе ГД ТЭП 2009 г.) в страны Юго-Восточной Европы и Черноморского региона, включая Украину, и тем самым подрывать доминирующие позиции «Газпрома». Все вышеперечисленные усилия ЕС не оставались незамеченными в России, которая требовала компромиссного учёта своих интересов [1; 2; 11; 18].

Таким образом, в 2000–2014 гг. – вопреки, казалось бы, успешному ЭнергодIALOGу, – между Россией и ЕС не только сохранялись, но и накапливались недоверие и конфликтность в сфере энергетики. К тому же на энергетических связях РФ и ЕС не могли не сказываться общий весьма проблемный контекст отношений сторон [7], а также нарастание противоречий по линии

² Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:211:0094:0136:en:PDF> (дата обращения: 04.05.2023).

³ Газовая директива 2009 г. наделила Еврокомиссию правом делать исключения из правил в отношении отдельных участников газового рынка ЕС.

⁴ «Северный поток» // ПАО «Газпром»: [сайт]. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream> (дата обращения: 05.05.2024).

России – США / «коллективный Запад» (расширение НАТО на восток, разные взгляды на европейскую безопасность и стратегическую стабильность, дестабилизация стран постсоветского пространства, Ближнего Востока, Латинской Америки и др.).

Далеко не случайно, что в апреле 2007 г. британо-нидерландская «Шелл» лишилась контрольного пакета акций и статуса оператора в проекте «Сахалин-2», а в апреле 2008 г. в России был принят Федеральный закон об иностранных инвестициях в российские стратегические объекты (ФЗ № 57). Помимо прочего, он запретил зарубежным компаниям, в том числе европейским, обладать контролем над российскими энергетическими активами стратегического уровня. Практически следом, в сентябре 2009 г., в ЕС была утверждена упомянутая Газовая директива, которая сильно ограничила присутствие «Газпрома» на европейском газовом рынке.

В теории международных отношений заметное место занимает либеральная концепция взаимозависимости, разработанная Дж. Найем и Р. Кохейном [23]. Целый ряд исследователей доказывали, что сложившаяся взаимозависимость России и ЕС в сфере энергетики будет не только сближать их политически, но и сглаживать, минимизировать их конфликтность как в сфере энергетики, так и в целом [20; 22; 24]. В этой связи возникает вопрос: *насколько взаимозависимы были Россия и ЕС в энергетической области в начале XXI в.?*

Как уже ранее отмечалось, накануне Украинского кризиса, разразившегося в 2014 г., Россия была крупнейшим поставщиком нефти и нефтепродуктов, газа и угля на рынок ЕС, а Европейский союз, в свою очередь, являлся крупнейшим покупателем российских ископаемых энергоносителей. Однако этим энергетическая взаимозависимость сторон не ограничивалась. После окончания холодной войны европейские компании весьма крепко обосновались на энергетическом рынке РФ, а российские компании, в свою очередь, вышли и заняли заметное место на энергетическом рынке ЕС (см. табл. 1).

Как показало развитие событий, последовавших за началом Украинского кризиса в 2014 г. и тем более за СВО России на Украине в 2022 г., либеральная концепция взаимозависимости, предложенная Дж. Найем и Р. Кохейном [23], не работает. И Брюссель, и Москва оказались способными ставить свои политические приоритеты выше экономических и энергетических, довольно легко разрушать сложившиеся энергетические связи.

Таблица 1 / Table 1.

Участие ведущих компаний стран Европейского союза и России в развитии топливно-энергетических комплексов РФ и ЕС (1991–2014 гг.). / Participation of the leading companies of EU and Russia in the development of fuel and energy complexes of the Russian Federation and the EU (1991–2014)

Компания	Активы
«Шелл» (Великобритания – Нидерланды)	Участие в проекте «Сахалин-2» (27,5% минус 1 акция; в 1994–2007 гг. «Шелл» имела 55% в проекте и являлась его оператором). Участие в проекте разработки Салымской группы месторождений в Ханты-Мансийском АО (50%). Участие в Каспийском трубопроводном консорциуме (КТК, 5,5%). Совместное предприятие (СП) с «Газпромом нефтью» по освоению нефтегазовых месторождений в Ямало-Ненецком АО. Владение сетью АЗС в регионах РФ.
«Би-Пи» (Великобритания)	Участие в совместном предприятии ТНК-ВР (2003–2013 гг.). Владение 19,75% акций НК «Роснефть» (с 2013 г.). Совместное предприятие с «Роснефтью» по геологоразведке и добыче углеводородов в Западной и Восточной Сибири. СП с «Роснефтью» в газовой сфере. Владение сетью АЗС в регионах РФ.
«Total» (Франция)	Участие в проекте разработки Харьягинского нефтяного месторождения в Ненецком АО (50%). Стратегический альянс с «НОВАТЭК» (12,1% акций, плюс опцион на увеличение доли до 19,4%). Владение 20% акций СП «Ямал СПГ».
«Эни» (Италия)	Соглашение с «Роснефтью» о совместном освоении нефтегазовых участков российского шельфа (Баренцево и Чёрное моря), а также об обмене технологиями и опытом. Долевое участие в проекте «Южный поток».
«Е.ОН» («Uniper» с 2016 г., Германия)	Владение Оптово-генерирующей компанией – 4 (ОГК-4).
«Энел» (Италия)	Владение Оптово-генерирующей компанией – 5 (ОГК-5).
«Fortum» (Финляндия)	Владение сетью теплоэлектростанций на Урале и в Западной Сибири. Реализация инвестиционного проекта по строительству и эксплуатации ветряных электростанций в Ульяновской области.
«Газпром» (Россия)	Совместное с «Винтершелл» и «Е.ОН» (обе – Германия), «Хасуни» (Нидерланды), ГДФ «Суэц» (Франция) владение и управление газопроводом «Северный поток-1». Участие (через дочерние структуры «Вингаз ГмБХ» и др.) во владении и управлении рядом газовых магистралей, хранилищ и сбытовых компаний в Германии и ряде других стран ЕС.

Компания	Активы
«ЛУКОЙЛ» (Россия)	Владение нефтеперерабатывающими и нефтехимическими активами в Болгарии (НПЗ в Бургасе), Италии (НПК «ИСАБ»), Нидерландах (НПЗ «Зиланд») и Румынии (НПЗ в Плоешти). Владение сетью АЗС в странах ЕС.
«Роснефть» (Россия)	Владение долями в четырёх НПЗ Германии («Гельзенкирхен», «МиРО», «Байернойл», «Шведт»). Участие в акционерном капитале «Сарас» – шестой по величине нефтеперерабатывающей компании Европы, владеющей НПЗ на о. Сардиния, нефтехранилищами в Италии и Испании, а также сетью АЗС в странах ЕС.
«Росатом» (Россия)	Обслуживание и заправка ядерным топливом действующих АЭС (Венгрия, Болгария, Чехия). Реализация контракта на строительство 5-ого и 6-ого блоков АЭС «Пакш» в Венгрии (проект «Пакш-2»). Поставка ядерного топлива в страны ЕС.

Источник: корпоративные материалы компаний, представленных в таблице.

В целом, если оценивать период отношений с 2000 по 2014 гг., Россия и Европейский союз не смогли – вопреки взаимным ожиданиям – стать полноценными энергетическими партнёрами и выработать единую энергетическую политику [1; 11]. Весной 2014 г. Энергетический диалог РФ – ЕС был заморожен по инициативе Брюсселя.

РОССИЯ И ЕС КАК ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ (2014–2023 ГГ.)

С февраля 2014 г. – из-за начавшегося Украинского кризиса – в энергетических отношениях России и ЕС наметился обратный сотрудничеству конфликтный тренд. Желая наказать Россию за «нарушение территориальной целостности Украины» и поддержку в ней «сепаратистских сил», страны Европейского союза, солидаризировавшись с США, не только прекратили бороться за расширение присутствия европейских энергетических компаний в России, что наблюдалось ранее, но и стали, напротив, добиваться того, чтобы те ограничили свою деятельность на российской территории. Для этого в ЕС был принят пакет санкций, запрещавших европейским корпорациям делать новые инвестиции в российскую энергетику, участвовать в проектах на территории РФ, связанных с добычей углеводородов на арктическом шельфе и больших глубинах, а также с разработкой сланцевых нефтяных залежей, включая предоставление соответствующих услуг и технологий. Европейским банкам было предписано не кредитовать ведущие нефтегазовые компании РФ, да и в целом основные каналы ЕС по финансированию российского ТЭК

были практически перекрыты. На ведущие энергетические компании РФ и их руководителей Брюсселем были наложены ограничительные меры⁵. В результате подобных действий ЕС участие европейских энергетических компаний («Шелл», «Total», «Эни», «Би-Пи» и др.) и банков («Дойче банк», «БНП ПАРИБА Банк», «Эйч-эс-би-си Банк (РР)», «Барклайс Банк» и др.) в развитии российского ТЭК было сильно ограничено, правда, не прекратилось полностью [1; 2; 14; 21; 32].

После того, как Россия признала независимость Донецкой и Луганской Народных Республик 21 февраля 2022 г., а также после начала СВО на Украине 24 февраля 2022 г. санкционное давление ЕС (и всего «коллективного Запада») на российский ТЭК не просто усилилось, а достигло беспрецедентных масштабов. Весной 2022 г. Брюссель представил план «REPowerEU» («Перезапитать ЕС») по ликвидации зависимости ЕС от импорта газа, нефти и угля из России [9].

Уже 22 февраля ФРГ приостановила сертификацию газопровода «Северный поток-2» (СП-2)⁶, который ранее вызвал ещё больший раскол в ЕС [1; 2]. Закупать российский уголь страны ЕС прекратили в августе 2022 г. Эмбарго на импорт российской нефти заработало (за некоторыми исключениями) в ЕС с декабря 2022 г., эмбарго на импорт нефтепродуктов (также за некоторыми исключениями) – с февраля 2023 г. Кроме этого, весь «коллективный Запад», включая ЕС, ввёл потолок цен на российскую нефть и нефтепродукты соответственно с декабря 2022 г. и с февраля 2023 г. Это означало, что остальные страны мира при импорте российских нефти и нефтепродуктов могли пользоваться услугами западных (в том числе европейских) транспортных и страховых компаний только при условии соблюдения установленного ценового потолка⁷. В рамках ЕС был также поставлен вопрос об отказе от импорта ядерного топлива из России. Поскольку европейскому бизнесу было настоятельно рекомендовано покинуть Россию, крупнейшие европейские энергетические компании (за исключением «Total») также решили последовать рекомендациям Брюсселя и начали уходить из России⁸. В ответ российские

⁵ Секторальные санкции ЕС в отношении России. Досье // TACC: [сайт]. [29.06.2018]. URL: <https://tass.ru/info/5334936> (дата обращения: 25.04.2023); EU sanctions against Russia explained // Council of the EU and the European Council: [сайт]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained> (дата обращения: 05.09.2022).

⁶ Германия решила остановить сертификацию «Северного потока – 2» // TACC: [сайт]. [22.02.2022]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13804187> (дата обращения: 25.04.2023).

⁷ Ничего неожиданного. Потолок цен на российские нефтепродукты вступил в силу // Neftegaz.ru: [сайт]. [05.02.2023]. URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/769084-nichego-neozhidannogo-potolok-tsen-na-rossiyskie-nefteprodukty-vstupil-v-silu> (дата обращения: 06.05.2023).

⁸ Кто уходит из России: список компаний // Право.ru: [сайт]. [27.07.2022]. URL: <https://pravo.ru/news/239550> (дата обращения: 06.05.2023).

власти заблокировали этот процесс, а российские активы немецкой «Uniper» и финской «Fortum» передали под временное управление Росимущества⁹.

После февраля 2022 г. зависимость от импорта российских энергоресурсов стала воспринимается в ЕС не только как угроза энергетической безопасности, но и гораздо шире – как угроза безопасности в политическом и даже военно-политическом смысле. В стремлении избавиться от России как поставщика энергоносителей страны ЕС (за немногими исключениями: Венгрия) оказались готовыми платить высокую цену – столкнуться с существенным удорожанием энергии и связанными с ним издержками для промышленности, экономического роста, уровня жизни граждан, а также с необходимостью масштабных инвестиций в строительство новой энергетической инфраструктуры: СПГ-терминалов, газовых интерконнекторов и т. д. [9].

В свою очередь, Москва, понимая, что энергетическая уязвимость европейцев с течением времени будет снижаться, решила действовать на опережение – использовать «газовую карту» для подрыва антироссийского санкционного режима и снижения готовности ЕС оказывать финансовую и военную поддержку Украине. В мае 2022 г. Москвой было принято решение о переводе расчётов за российский газ в рубли. Ряд стран ЕС с этим не согласился и прекратил закупать голубое топливо в России. В мае Москва также остановила прокачку газа по газопроводу «Ямал – Европа», поскольку ввела санкции против компании «EuRoPol GAZ» – владельца польского участка данного газопровода. После того как, опять-таки, в мае 2022 г. Украина объявила о прекращении транзита газа через «Сохрановку» в Луганской Народной Республике (эта территория была занята российскими войсками), «Газпром» отказался нарастить транзит голубого топлива по другим украинским направлениям. С июня 2022 г., ссылаясь на технические обстоятельства, «Газпром» постепенно снижал поставки по СП-1, а в августе практически их прекратил. 26 сентября неизвестными лицами были взорваны газопроводы СП-1 и СП-2 [9]. И хотя Россия не имела к диверсиям отношения, что признали даже США, указавшие на некий украинский след в этом преступлении¹⁰, подрыв трубопроводов мог отвечать тактическим интересам Москвы. В октябре 2023 г. глава «Газпрома» А. Б. Миллер не исключил замерзания целых европейских городов зимой 2022–2023 гг.¹¹. Согласно статистике в декабре 2022 г. в страны ЕС поступило всего 2,5 млрд кубометров газа из России, в то время как

⁹ Активы Uniper и Fortum перешли под управление государства: чего ждать инвесторам // Forbes: [сайт]. [26.04.2023]. URL: <https://www.forbes.ru/investicii/488426-aktivy-uniper-i-fortum-peresli-pod-upravlenie-gosudarstva-cego-zdat-investoram> (дата обращения: 06.05.2023).

¹⁰ Американская разведка нашла украинский след в диверсии на «Северных потоках» // Ведомости: [сайт]. [08.03.2023]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/08/965705-amerikanskaya-razvedka-nashla-sled> (дата обращения: 25.04.2023).

¹¹ Миллер: во время пика холодов могут замерзнуть целые города Европы // Вести.Ru: [сайт]. [25.04.2023]. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2987420> (дата обращения: 25.04.2023).

в декабре 2021 г. этот показатель составлял 8,1 млрд кубометров¹². Тем не менее в практическом плане всё вышло иначе. Тёплая зима 2022–2023 гг., наращивание поставок СПГ, переход на уголь, а также заблаговременно накопленные запасы газа позволили странам ЕС избежать сценария, который допускал руководитель «Газпрома».

Таким образом, в 2022–2023 гг. в энергетических отношениях России и ЕС произошли форсмажорные обстоятельства. Стороны, фактически оставив вне поля зрения экономическую целесообразность и энергетическую взаимозависимость, поставили во главу угла политику – в невиданном ранее масштабе они стали использовать энергетику как средство достижения политических целей. Европейский союз за счёт жёстких санкций рассчитывал, с одной стороны, заставить Россию «заплатить высокую цену за агрессию против Украины», с другой – ограничить её экономические, военно-промышленные и, как следствие, геополитические возможности. В Москве, в свою очередь, рассчитывали, что зимой 2022–2023 гг. энергетический кризис приведёт к подрыву проукраинских настроений в странах ЕС, вызовет общественные волнения в Европе и вынудит европейских политиков пойти на нормализацию отношений с Россией на новых, более справедливых условиях [9].

В научной среде встречаются публикации, в которых энергетика рассматривается в качестве политического рычага России и ЕС [4; 5; 9; 28; 29; 30; 33]. Однако фактическое, беспрецедентное по масштабу использование ЕС и Россией «энергетического оружия» в период после февраля 2022 г. открывает новую страницу в области подобных исследований, что, безусловно, требует дополнительного внимания учёных.

Отвечая на вопрос, *какие причины лежат в основе деградации энергетических отношений России и ЕС после 2014 и 2022 гг.*, следует исходить из того, что главным инициатором сначала сокращения, а затем и разрушения двусторонних энергетических связей был Европейский союз. Как представляется, Россия не играла в этом деструктивном процессе «первой скрипки» и в большей мере лишь реагировала на происходящее. Вполне можно допускать, что в случае, если бы «коллективный Запад» и ЕС не стали использовать энергетику в политических целях, Москва вряд ли позволила бы себе политизировать энергетические связи с ЕС, поскольку они обеспечивали львиную долю её экспортных доходов. В 2021 г., по данным Евростата, на Россию приходился 31% всего стоимостного объёма импорта энергоресурсов Евросоюзом из третьих стран, в том числе 25% сырой нефти, 45% природного газа, 45% угля [15].

С научной точки зрения политизированные действия ЕС и России могут иметь следующие объяснения.

¹² Monthly imports of natural gas from Russia to the European Union (EU) from November 2020 to December 2022 (in million cubic meters) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com> (дата обращения: 25.04.2023).

С точки зрения *политического реализма* в его классических и современных трактовках (неореализм) любые виды международных отношений в сфере экономики, экологии или энергетики носят подчинённый характер по отношению к политике или борьбе государств и их объединений за власть, безопасность и просто выживание в анархичной международной среде. Т. е. они рассматриваются исключительно в качестве источников (политической) силы или, напротив, (политической) слабости государств [25]. Таким образом, можно допустить, что после февраля 2014 г. и тем более февраля 2022 г. страны ЕС, являясь неотъемлемой частью ведомого США «коллективного Запада», вступили в политическое противостояние с Россией, в котором энергетика приобрела статус ключевого политического рычага.

Реалисты полагают, что государства могут придерживаться «стратегии примыкания» (англ. bandwagoning). Т. е. в целях собственной безопасности они могут примыкать к более сильному государству и следовать в фарватере его политики [25; 34]. Допущение, что на фоне эскалации ситуации на Украине страны ЕС решили примкнуть к США, может объяснять их готовность жертвовать своими фундаментальными экономическими и энергетическими интересами. Соединённые Штаты после свершения у них сланцевой революции приобрели к концу 2010-х гг. статус нетто-экспортёров нефти и газа. Как следствие, для Вашингтона ограничение поставок углеводородов из России оказалось не столь критичным, как для стран ЕС.

Авторитетный американский исследователь Дж. Миршаймер полагает, что после окончания холодной войны внешняя политика России неизменно строилась в логике политического реализма [13], поэтому использование Россией поставок газа в качестве политического рычага в контексте Украинского кризиса выглядит вполне закономерным.

Альтернативное объяснение деградации энергетических связей России и ЕС может быть найдено в *социальном конструктивизме*, т. е. увязано с глубокими ценностно-политическими противоречиями сторон. После окончания холодной войны миссия правящих элит Европейского союза, который не следует отделять от «коллективного Запада», заключалась в политико-экономической либерализации и ценностной переориентации России для её последующей интеграции в «западное сообщество европейских стран» на правах младшего, управляемого партнёра. Такой сценарий – в силу неготовности Москвы жертвовать своими интересами и ценностями ради общего будущего с Европейским союзом (и Западом) – стал со временем утрачивать свою актуальность, а экономические отношения России и ЕС, в том числе в области энергоснабжения, – политизироваться и секьюритизироваться [7].

Вмешательство России в Украинский кризис в 2014 г. и особенно начало Москвой СВО в 2022 г. вошли в серьёзный конфликт с мировосприятием европейских элит и находящегося под их воздействием населения стран ЕС [6; 7; 9]. Согласно данным «Евробарометра» в марте 2022 г., большинство жите-

лей стран ЕС резко осудили Россию за её «агрессивные действия» в отношении Украины и выразили решительную поддержку Киеву¹³. Есть основания допускать, что в 2014 г. и тем более в 2022 г. в ЕС произошло ценностно-политическое отторжение России, что создало достаточные условия для разрушения сложившейся экономической взаимозависимости сторон, в том числе в области энергоснабжения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой четверти XXI в. в отношениях России и ЕС в сфере энергетики имели место два тренда. С 2000 по 2014 гг. поступательно развивались отношения сотрудничества, поскольку Москва и Брюссель, несмотря на имеющиеся у них разногласия, признавали сложившуюся между ними энергетическую взаимозависимость и по большому счёту пытались её укреплять. Однако Украинский кризис 2014 г. поставил под вопрос сложившийся кооперативный тренд, а СВО России на Украине способствовала замене кооперации конфронтацией. Фактически российский ТЭК был поставлен Брюсселем в «режим отмены».

Смена тренда может объясняться как готовностью Брюсселя и Москвы использовать энергетику в политических целях в логике политического реализма, так и глубоким ценностно-политическим разрывом ЕС с Россией, сделавшим невозможным сохранение двусторонней энергетической взаимозависимости. И в первом, и во втором случаях политика возобладала над экономикой, неотъемлемой частью которой является энергетика. Все расчёты на либеральную концепцию взаимозависимости в итоге не оправдались.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 07.07.2023

Статья размещена на сайте: 13.11.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровский Ю. В. Международное измерение энергетической безопасности: Россия и мир (1991–2021 гг.). М.: Аспект Пресс, 2022. 323 с.
2. Боровский Ю. В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов // Вестник Московского университета. Серия 25:

¹³ Public opinion on Russia's war against Ukraine // Eurobarometer: [сайт]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/files/be-heard/eurobarometer/2022/public-opinion-on-the-war-in-ukraine/en-public-opinion-on-the-war-in-ukraine-20220304.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).

- Международные отношения и мировая политика. 2022. № 2. С. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39
3. Боровский Ю. В., Шишкина О. В. Приоритетные цели энергетической политики ЕС // Современная Европа. 2021. № 3. С. 117–127. DOI: 10.15211/soveurope32021117127
 4. Боровский Ю. В., Шишкина О. В. Энергетическая политика ЕС и ее движущие силы // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 67–79. DOI: 10.17976/jpps/2022.03.06
 5. Голунов С. В. Энергетические рычаги внешней политики: Опыт России и США // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 1. С. 56–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.3
 6. Дарси Д., Сталберг А. Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 3. С. 69–98. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-04
 7. Изотов А. В. Формирование кризиса в отношениях России с Европейским союзом и западным сообществом: перспективы изменения ситуации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. № 14. С. 139–155. DOI: 10.21638/spbu06.2021.202
 8. Кавешников Н. Ю. «Невозможная триада» энергобезопасности Европейского союза // Международные процессы. 2015. № 4. С. 74–85. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.5
 9. Кавешников Н. Ю. Реакция Евросоюза на энергетический кризис 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EU-EnergyCrisis-PoilityBrief42.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).
 10. Кавешников Н. Ю. Энергетический диалог России и ЕС // Европейская интеграция / под ред. О. В. Буториной, Н. Ю. Кавешникова. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 602–611.
 11. Кинякин А. А., Напара А. С., Копыл М. В. Энергетический диалог России и ЕС: сотрудничество или конкуренция? // Наука Красноярья. 2018. Т. 7. № 2. С. 167–197. DOI: 10.12731/2070-7568-2018-2-167-198
 12. Махнач И. М. Развитие энергетического диалога Российской Федерации и Европейского союза // Журнал международного права и международных отношений. 2013. № 4. С. 63–70.
 13. Миршаймер Дж. Число специалистов, работающих над формулированием теории, не может быть большим // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 2. С. 165–178. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.9
 14. Сидорова Е. А. Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. 2016. № 1. С. 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11
 15. Спартак А. Н., Чекина Т. Н. Торгово-экономическое сотрудничество России со странами Европы до и после начала специальной военной операции // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 2. С. 8–46. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-2-8-46

16. Шумило П. С. Энергетический диалог России и Евросоюза – основа европейской энергетической безопасности // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 4. С. 67–73.
17. Шуранова А. А., Петрунин Ю. Ю. Энергетический кризис 2021–2022 гг. в отношениях России и Европейского союза // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. URL: www.e-journal.spa.msu.ru (дата обращения: 07.05.2023). DOI: 10.24412/2070-1381-2022-90-74-89
18. Юдина О. Н. Энергетический диалог Россия–ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия, результаты // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 2. С. 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75
19. Яковлев А. А. Экономическая оценка текущего положения и перспектив развития отношений России и Евросоюза в энергетической сфере // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 275–279. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-1-275-279
20. Esakova N. European Energy security. Analysing the EU-Russia Energy Security Regime in Terms of Interdependence Theory. Berlin: Springer, 2013. 280 p.
21. Goldthau A., Boersma T. The 2014 Ukraine-Russia crisis: Implications for energy markets and scholarship // Energy Research & Social Science. 2014. № 3. P. 13–15. DOI: 10.1016/j.erss.2014.05.001
22. Harsem Ø., Claes D. H. The interdependence of European–Russian energy relations // Energy Policy. 2013. № 59. P. 784–791. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.04.035
23. Keohane R., Nye J. Power and interdependence. London: Longman, 2000. 334 p.
24. Lee Yu. Interdependence, issue importance, and the 2009 Russia-Ukraine gas conflict // Energy Policy. 2017. № 102. P. 199–209. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.11.038
25. Lobell S. E. Structural realism. Offensive and defensive realism // International studies encyclopedia / ed. R. A. Denemark, R. Marlin-Bennett. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 6651–6669. DOI: 10.1093/acref/9780191842665.001.0001
26. Morgenthau H., Thompson K. W., Clinton D. Politics Among Nations. 7th ed. New York: McGraw-Hill Education, 2005. 752 p.
27. Pardo Sauvageot E. Between Russia as producer and Ukraine as a transit country: EU dilemma of interdependence and energy security // Energy Policy. 2020. № 145. P. 1–13. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111699
28. Romanova T. Is Russian energy policy towards the EU only about geopolitics? The case of the Third Liberalization Package // Geopolitics. 2016. № 4. P. 857–879. DOI: 10.1080/14650045.2016.1155049
29. Siddi M. The role of power in EU-Russia energy relations: The interplay between markets and geopolitics // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. Iss. 10. P. 1552–1571. DOI: 10.1007/978-3-319-73526-9_54-1
30. Stegen K. S. Deconstructing the “energy weapon”: Russia’s threat to Europe as case study // Energy policy. 2011. № 11. P. 6505–6513. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.051

31. Tichý L. EU political discourse on the energy security relations with Russia // *European Political Science*. 2019. № 19. P. 603–621. DOI: 10.1057/s41304-019-00229-x
32. Vaganova O. V. Russia and sanctions // *Research Result. Economic Research*. 2022. Vol. 8. № 1. P. 4–11. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1
33. Van de Graaf T., Colgan J. D. Russian gas games or well-oiled conflict? Energy security and the 2014 Ukraine crisis // *Energy Research & Social Science*. 2017. № 24. P. 59–64. DOI: 10.1016/j.erss.2016.12.018
34. Walt S. W. Alliance Formation and the Balance of World Power // *International Security*. 1985. Vol. 9. № 4. P. 3–43.

REFERENCES

1. Borovsky Yu. V. *Mezhdunarodnoe izmerenie energeticheskoi bezopasnosti: Rossiya i mir (1991–2021)* [International dimension of energy security: Russia and the world (1991–2021)]. Moscow, Aspect Press Publ., 2022. 323 p.
2. Borovsky Yu. V. [Russia and the West: Clash of energy interests through the lens of realist and liberal approaches]. In: *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Lomonosov World Politics Journal], 2022, no. 2, pp. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39
3. Borovsky Yu. V., Shishkina O. V. [The Priorities of EU Energy Policy]. In: *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2021, no. 3, pp. 117–127. DOI: 10.15211/soveurope32021117127
4. Borovsky Yu. V., Shishkina O. V. [The EU's energy policy and its driving forces]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2022, no. 3, pp. 67–79. DOI: 10.17976/jpps/2022.03.06
5. Golunov S. V. [The energy toolkit of statecraft. The cases of Russia and the USA]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2021, no. 1, pp. 56–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.3
6. Darsey J., Stulberg A. [Deaf Ears and the U.S.-EU-Russia Sanctions Tangle: Contending Strategic Discourses and Mutual Emboldenment]. In: *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika* [International organizations research journal], 2019, no. 3, pp. 69–98. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-04
7. Izotov A. V. [Crisis formation in Russia's relations with the European Union and the Western community: Prospects for changes]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations], 2021, no. 14, pp. 139–155. DOI: 10.21638/spbu06.2021.202
8. Kaveshnikov N. Yu. [The “impossible triad” of the EU energy security]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2015, no. 4, pp. 74–85. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.5
9. Kaveshnikov N. Yu. *Reaktsiya Evrosoyuza na energeticheskii krizis 2022 g.* [The EU's reaction to the energy crisis of 2022]. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EU-EnergyCrisis-PolicyBrief42.pdf> (accessed: 07.05.2023).

10. Kaveshnikov N. Yu. [The Russia-EU Energy dialogue]. In: Butorina O. V., Kaveshnikov N. Yu., eds. *Evropeiskaya integratsia* [The European integration]. Moscow, Aspect Press Publ., 2016, pp. 602–611.
11. Kinyakin A. A., Napara A. S., Kopyl M. V. [Russia-EU energy dialogue: cooperation or competition?]. In: *Nauka Krasnoyaria* [Siberian Journal of Economics and Management], 2018, vol. 7, no. 2, pp. 167–197. DOI: 10.12731/2070-7568-2018-2-167-198
12. Mahnach I. M. [Development of the Energy Dialogue Between the Russian Federation and the European Union]. In: *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* [Journal of International Law and International Relations], 2013, no. 4, pp. 63–70.
13. Mearsheimer J. J. [You can only have so many dedicated theorists in IR...]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2019, no. 2, pp. 165–178. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.9
14. Sidorova E. A. [Russian energy industry under the Western sanctions]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2016, no. 1, pp. 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11
15. Spartak A. N., Cheklina T. N. [Russia's Trade and Economic Cooperation with Europe before and after the Start of the Special Military Operation]. In: *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russia Foreign Economic Bulletin], 2023, no. 2, pp. 8–46. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-2-8-46
16. Shumilo P. S. [Energy dialogue between Russia and the EU is the basis of European energy security]. In: *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russia Foreign Economic Bulletin], 2012, no. 4, pp. 67–73.
17. Shuranova A. A., Petrunin Yu. Yu. [The 2021–2022 Energy Crisis in Relations between Russia and European Union]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public Administration. E-journal], 2022, no. 90. Available at: www.e-journal.spa.msu.ru (accessed: 07.05.2023). DOI: 10.24412/2070-1381-2022-90-74-89
18. Yudina O. N. [Russia-EU energy dialogue in 2000-2014: key priorities, stages, contradictions, and outcomes]. In: *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnoshenia i mirovaya politika* [Lomonosov World Politics Journal], 2022, no. 2, pp. 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75
19. Yakovlev A. A. [Economic assessment of the current situation and prospects for the development of relations between Russia and the European Union in the energy sector]. In: *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of economic security], 2023, no. 1, pp. 275–279. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-1-275-279
20. Esakova N. European Energy security. Analysing the EU-Russia Energy Security Regime in Terms of Interdependence Theory. Berlin, Springer, 2013. 280 p.
21. Goldthau A., Boersma T. The 2014 Ukraine-Russia crisis: Implications for energy markets and scholarship. In: *Energy Research & Social Science*, 2014, no 3, pp. 13–15. DOI: 10.1016/j.erss.2014.05.001

22. Harsem Ø., Claes D. H. The interdependence of European–Russian energy relations. In: *Energy Policy*, 2013, no. 59, pp. 784–791. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.04.035
23. Keohane R., Nye J. Power and interdependence. London, Longman, 2000. 334 p.
24. Lee Yu. Interdependence, issue importance, and the 2009 Russia-Ukraine gas conflict. In: *Energy Policy*, 2017, no. 102, pp. 199–209. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.11.038
25. Lobell S. E. Structural realism. Offensive and defensive realism. In: *International studies encyclopedia*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2010, pp 6651–6669. DOI: 10.1093/acref/9780191842665.001.0001
26. Morgenthau H., Thompson K. W., Clinton D. Politics Among Nations. New York, McGraw-Hill Education. 2005. 752 p.
27. Pardo Sauvageot E. Between Russia as producer and Ukraine as a transit country: EU dilemma of interdependence and energy security. In: *Energy Policy*, 2020, no. 145, pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111699
28. Romanova T. Is Russian energy policy towards the EU only about geopolitics? The case of the Third Liberalization Package. In: *Geopolitics*, 2016, no. 4, pp. 857–879. DOI: 10.1080/14650045.2016.1155049
29. Siddi M. The role of power in EU-Russia energy relations: The interplay between markets and geopolitics. In: *Europe-Asia Studies*, 2018, vol. 70, iss. 10, pp. 1552–1571. DOI: 10.1007/978-3-319-73526-9_54-1
30. Stegen K. S. Deconstructing the “energy weapon”: Russia’s threat to Europe as case study. In: *Energy policy*, 2011, no. 11, pp. 6505–6513. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.051
31. Tichý L. EU political discourse on the energy security relations with Russia. In: *European Political Science*, 2019, vol. 19, pp. 603–621. DOI: 10.1057/s41304-019-00229-x
32. Vaganova O. V. Russia and sanctions. In: *Research Result. Economic Research*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 4–11. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1
33. Van de Graaf T., Colgan J. D. Russian gas games or well-oiled conflict? Energy security and the 2014 Ukraine crisis. In: *Energy Research & Social Science*, 2017, vol. 24, pp. 59–64. DOI: 10.1016/j.erss.2016.12.018
34. Walt S. W. Alliance Formation and the Balance of World Power. In: *International Security*, 1985, vol. 9, no. 4, pp. 3–43.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Боровский Юрий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МГИМО МИД России; e-mail: yuri-bor@mail.ru

Yurii V. Borovskii – Dr. Sci. (History), Prof., Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, School of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: yuribor@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Боровский Ю В. Россия и Евросоюз: смена тренда в энергетических отношениях // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Borovskii Yu. V. Russia and the EU: a trend change in energy relations. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru